

В детстве он обожал попадать в милицию. Выручал папа. «Отпустите обалдую», — говорил он, и обалдуя отпускали. Папу знал весь город. Папа работал Карабасом-Барабасом. В Новокузнецке было два театра: драматический и кукольный. В драматический ходили родители, а в кукольный — и родители, и дети. Папа стоял за ширмой, а в городе появлялся с бантом на шее, в огромной шляпе и ярких пиджаках. Когда папа входил в магазин, мужчины улыбались, женщины падали, очереди рассыпались. Это была слава. Мама тоже работала в кукольном театре: учила папу быть Карабасом-Барабасом. Своему малолетнему бандиту они предоставляли полную свободу. Детство бандит провел на крыше соседнего дома. Взялся наверх по подъемному крану, доползал до края стрелы и прыгал вниз, на недостроенную 16-этажную башню. Потом, когда подрос, угонял мотоциклы. Штук 15 угнал и одну машину. Потом бросил биофак Новосибирского университета, вылетел из

— Так кого же в тебе больше — актера или режиссера?

— Эти профессии друг к другу абсолютно никакого отношения не имеют. То есть, конечно, хорошо, если бы режиссеры были по совместительству еще и актерами. Тогда они бы знали те небольшие секреты, которые человек, никогда не выходящий на сцену, в принципе знать не может. Был страшный случай на «Смертельном номере». Мы играли спектакль в репетиционной комнате, и вот настало время выводить его на сцену. Стали с художником ставить свет — такие волшебные фонари, безумно красивые. Начинаем первый акт, и вдруг актеры перестают играть. Знаешь, когда человек слушает плейер и разговаривает, у него отсутствует интонация, оттенки. Вот и они так же — как в бочку говорят. А до премьеры дня три, не больше. Начинается паника. Что же оказалось — у этих фонарей внутри стоит вентилятор, и этот вентилятор гудит. Зритель привыкает к шуму за 30 секунд. А актеры непроизвольно пытаются переключить. Им неудобно. Режиссер не может этого понять, но я же актер — вышел на сцену и сразу понял: раздражает.

— Странно, в таком случае, что ты не играешь ни в одном из своих спектаклей.

— Ставить и играть одновременно — невозможно. Я могу выручить, если кто-то заболел, выйти на маленький эпизодик, и то не всегда. Даже смешно — поставил спектакль, развел сцены, а через год надо было подменить кого-то. Выхожу на сцену и не знаю, что делать. Мне актеры подсказывают, куда идти и что говорить. Я бы в «Смертельном номере» любую роль сыграл. Если бы кто-то пришел и сказал — есть такой спектакль, пойдешь? Не задумался бы. А так — все уже. Ведь все случайно получилось. Из разговоров, музыки... Музыка иногда дает толчок — и я сразу придумываю спектакль. Вообще я думаю — можно ли проследить процесс, как делается спектакль, или вспомнить секунду, когда что-то рождается? Это необъяснимо. Начало всегда благостное бывает. Потом, дня через два, когда собираются актеры и ты понимаешь, что это не твоя мечта, а живые люди, у них не те голоса, не та походка, и вообще они не те, что ты представлял, — тут наступает ужас.

— А что в этом ужасе самое страшное?

— Что больше ничего не смогу сделать. Сейчас мне кажется: «Смертельный номер» — мой последний спектакль. У меня, правда, после каждого спектакля такое ощущение. Наверное, это нормально. Как только появляется чувство, что все о'кей, тут же надо говорить себе «стоп!». Вроде бы раскопал золотую жилу, но — стоп, нельзя, попробуй другое.

— То же самое говорил как-то Валерий Тодоровский. Что он мог бы сделать вторую «Любовь» и все бы его хвалили, говорили, какой он замечательный, но сам с собой он бы отношения не выяснил.

— Абсолютно точно. Другое дело, что я опять буду делать спектакль яркий, «цирко-вой». У меня давно есть задумка — сделать «Вия». Такое грандиозное нечто. Фантом.

— А как на тебя влияет успех? Что в тебе изменилось за последний год?

— Повысилась степень ответственности.

— Смеешься?

— Ну да, банально звучит. Но я серьезно. Не имею права сделать сейчас какую-нибудь гадость. Когда я делал «Звездный час по местному времени», все ждали провала. Ну как же — недавний студент ставит спектакль! Потом был «Бумбараш» — тоже успех. И вот — плод нашей фантазии, пьеса, о которой никто раньше не слышал. Если бы мы провалились, вся ответственность лежала бы на мне. Тем более играем на сцене МХАТа, а это место, к которому всегда приковано внимание. Успех — такая зыбкая вещь. Скажут про тебя — все. И все.

— Актеры всегда жалуются, что они люди подневольные. Выберут на роль — хорошо, не выберут — сиди до пенсии. Профессия, подверженная случайностям. В твоей судьбе какова мера случайностей и закономерностей?

— Я хитрый. Папа у меня актер, мама — режиссер. Гены. Как только на секунду «задерживался» как актер, начинал спектакль. Поставил себя в такие рамки: сам решаю, что делать, как делать и делать ли вообще.

— В общем, все закономерно — от характера.

— Конечно. Я не очень-то верю в невостремленность. Всегда нужно отдавать себе отчет, что ты можешь и чего не можешь. Вот я никогда не сыграю Ромео. Представь, если бы я жил только с этой мыслью. Повеситься можно.

— А Гамлета сыграешь?

— Играл. Больше не хочу.

— Почему?

— Ну, не хочу, не хочу. И Отелло не хочу.

— А что хочешь?

— Не знаю. То есть что-то хочу, но что — не знаю.

— Как же ты в театре работаешь? Ведь ты же не можешь отказываться от ролей, на которые тебя назначает режиссер?

— Отказываться нельзя, а не любить роль можно. Вот я не люблю Платонова в «Неоконченной пьесе...». Не «попадает» она мне. Будь моя воля, я бы ее совсем по-другому сделал.

— Актер помогает тебе быть режиссером. А режиссер, выходя, мешает быть актером? Признания, хочется иной раз во время репетиции сделать замечание Олегу Павловичу Табакову?

— Самое гадкое в актерах — ничего своего не предлагать, но начинать спор о

том, как трактовать ту сцену, а как — эту. Если ты режиссеру доверился — не вмешивайся, постарайся исполнить его волю. Чем лучше ты это сделаешь, тем лучше ты как актер. Все равно потом в какой-то момент роль станет твоей. Ты сам начинаешь ее «варить», связки искать, углы обживать. А что касается Табакова — он учитель, он массу замечательного для меня сделал, и самое замечательное — он дал мне право на самостоятельность.

— А морально не давит? Табаков есть Табаков. Имя, авторитет. А вы — в том числе и ты — все при нем.

— Об этом я вообще не задумываюсь. Хотя на самом деле так оно и есть. Но я ведь занимаюсь абсолютно не тем, чем он. Он — потрясающий профессионал, а я все делаю чисто интуитивно. У него театр правильный, у меня — нет. Я почти уверен, что мои спектакли его раздражают. Он не может понять, что это за штука такая — «Смертельный номер».

— Он мог бы сказать: ребята, это

театрального училища и Школы-студии МХАТ. Потом... Потом завершил свой лихой круг и понял, наконец, что ему нужно. Ему нужен был театр Олега Табакова, а он нужен был театру. В театре он сегодня — номер один. В кино, впрочем, тоже. Итак, Владимир Машков, человек, единый в трех лицах. Лицо первое зовётся театральным актером и занято в спектаклях «Матросская тишина», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Билокси-блюз», которые и принесли ему известность. Лицо второе — театральный режиссер. Поставил в табакоской студии «Звездный час по местному времени», «Страсти по Бумбарашу», а летом потряс публику спектаклем «Смертельный номер». Публика застонала, схватилась за голову и немедленно объявила «Смертельный номер» хитом нынешнего театрального сезона. Наконец, лицо третье, кинематографическое. Умудрилось появиться на экране в двух самых громких фильмах прошлого года — «Лимите» Дениса Евстигнеева и «Подмосковных вечерах» Валерия Тодоровского.

— О.Ш.), разговариваем, а в зале кто-то фильмы смотрит, в баре пьют, потом мы уйдем, придет кто-то друг друга любить, и так далее. Это здорово. Я, например, не могу долго сидеть на одном месте. Скучно. Не представляю, что буду делать сегодня вечером, и мне это интересно. Вообще не люблю людей с расписанием внутри. Ненавижу, когда утром делают зарядку. Я не делаю. Я могу ее ночью делать. У меня жизнь заканчивается в 5-6 утра.

— В отношениях с женщинами ты тоже непостоянен?

— Увы! Для женщин я невыносим. Пришлось с этим смириться. Ничего с собой поделаться не могу. У меня была жена, и дочка есть — Маша Машкова, ей сейчас 10 лет.

— После картин Евстигнеева и Тодоровского журналисты окрестили тебя русским Бельмондо и секс-символом. Как ощущаешь себя в этих амплуа?

— Моему приятелю как-то подарили кокос, а как его открыть, никто не знал. Попробовали ножом — не вышло. Сын гово-

лял жизнь. А неприятности — мелкие, крупные, — они бывают постоянно. Мне никто никогда не помогал. Просто не существовало человека, который привел бы меня и сказал: «Это Володя Машков. Посмотрите его». В этом смысле я человек свободный — нет страха перед будущим. Есть другой страх — что начну делать ерунду. Но об этом мне тут же сообщат.

— Никто не помогал. Приехал из провинции. Снял в фильме «Лимита». Значит, ты — типичная лимита?

— Такой лимитой, которая приезжает в Москву за пропиской, я, конечно, не был. Эти люди с мешками приезжают...

— Но лимитой себя ощущал?

— Какое-то время да. У меня вообще такое ощущение, что 80 процентов людей, которые что-то в этой жизни делают, — лимитчики. Вот Нью-Йорк — город лимитчиков. Ну и что? Это люди, заряженные более сильной энергией. Сейчас их называют «вымы русскими». Бред свой койбычас 7-«новые русские»? Дети, которые-русские. А 10 лет, — они, наверное, — бойцы.

— Ты сейчас тридцатилетний, что ты про-

— По тебе бинциал? Янка. В Новокузнецке время

— Оно как бы остановилось. Я

инахал в 84-м, а там еще были 70-е.

— Сейчас ты все еще провинциал?

Или человек столичный?

— Я, в принципе, провинциальный человек. У меня нет ощущения дома. Сейчас получил квартиру, так даже перебраться туда не могу — не умею вить гнездо. Я никогда не мог наплевать на все, закрыть за собой дверь и не выходить месяц. Собственный дом дает ощущение свободы. Мнимой, конечно, потому что никогда я этого не сделаю — не закрою дверь и не буду сидеть месяц.

— Сейчас ты возвращаешься в круг людей вполне благополучных. Денис Евстигнеев, Валерий Тодоровский, Кристина Орбакайте... По идее, у них не должно быть никакого энергетического заряда, а у тебя — определенная доля зависти по отношению к ним.

— Ну, что ж им делать, если они чьи-то сыновья. Представляешь, как им надо было шарашить, чтобы сбросить этот ярлык? Какой это мощный стимул? Какая на них тяжесть лежала? Они — молодцы. Что касается тусовки, то Денис, к примеру, никакой не тусовщик. Да и я тоже. Я люблю, когда весело, а на тусовках по большей части совсем не весело. Вот когда я сам устраиваю праздники — это да, это веселье.

— Твой герой в «Лимите» покупает стадион. А что бы купил ты, если бы имел такие деньги?

— Со своего первого гонорара за фильм я купил три вещи: разбитую машину, с надписью «милиция», пистолет и попугая. У меня два попугая. Два друга мои. Они мне говорят: «Вовочка Машков» и еще «Дай папирсочку, у тебя брюки в полосочку». Но между собой у них дружба не большая.

— Давай напоследок проведем маленький блиц с целью прояснения темных сторон твоей биографии. Самый неожиданный поступок, который ты совершил в жизни.

— Выпустил всех животных, которые жили у меня в комнате.

— И много их было?

— Штук 60. Серые крысы, голуби, вороны, две гадюки, удав, хомяки, бурундуки. Я мальчиком был, потом начал пить портвейн, курить и заниматься спортом, причем одновременно. И понял, что пора отпускать. Кого-то во дворец пионеров отдал, а те, что хотели на волю, ушли на волю.

— Событие, больше всего повлиявшее на твою судьбу?

— День рождения.

— Человек, чьим именем ты дорожишь?

— Нет такого.

— Вероисповедание?

— Католик.

— Каким образом?

— Мама была наполовину итальянка, наполовину поляка.

— Любимое занятие?

— Ездить на машине.

— Правда, что ты никогда не ездил трезвым?

— Стараюсь — не получается.

— Хобби?

— Выпивать с друзьями на кухне.

— Любимый фильм, режиссер, актер?

— Фильм — «Повар, вор, его жена и ее любовник», режиссер — Питер Гринуйз, актеры — Аль Пачино и Евгений Леонов в «Старшем сыне».

— Книжка?

— Любимая книжка должна быть настольной. А у меня настольной нет.

— Что больше всего не любишь в жизни?

— Предателей. Если кто-то из друзей меня предаст, я его любить не буду. Хотя нет такой вещи на свете, которую я не мог бы простить. Проверять.

— Какой вопрос ты бы себе задал?

— Ты еще что-нибудь сделаешь?

— И ответил бы...

— ...не знаю.

— Определи в трех словах, какой ты есть человек.

— Жизнерадостный порочный наглец.

У меня куча пороков. Практически я весь из них состою.

— А добродетели?

— Я не злой. Если кто-то будет лежать на улице — подниму. И еще, надеюсь, неравнодушный.

Ольга ШУМЯЦКАЯ.

В воскресенье, 26 февраля, вы сможете посмотреть фильм «Лимита» в Киноцентре и встретиться с Владимиром Машковым.

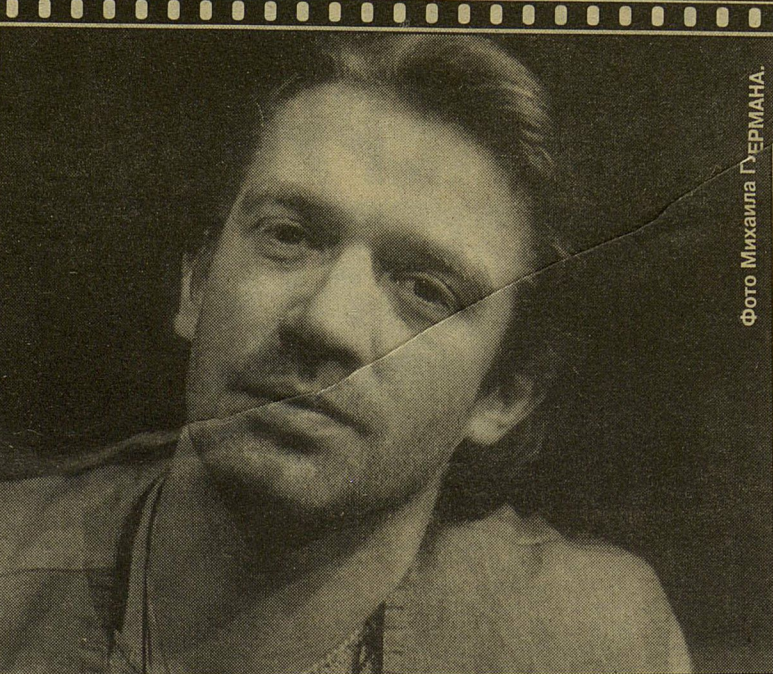

Фото Михаила ГЕРМАНА.

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ НАГЛЕЦ, НЕВЫНОСИМЫЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Владимир Машков — герой картины «Лимита» и закрытия фестиваля «Великолепная семерка», которое состоится сегодня вечером в Доме кино

не для нас, не надо. Не говорит же.

— Да, это его героический поступок. У меня же нет денег на зарплату, зал, декорации, костюмы. Это все — он. Но тут ведь один критерий есть — пришел зритель или не пришел. Я не понимаю элитарных спектаклей, когда где-нибудь в подвале собираются три актера, три зрителя и говорят: это гениально! А остальные вообще не понимают, о чем речь. Спектакль должны смотреть все — и самый умный критик, и женщина, которая пришла с ребенком и авоськой.

— Но в театр к Табакову приходит всего 100 человек.

— Это ужасный зал, детский сад. Подвалом он уже быть перестал, а театром еще не стал. Вроде лестница мраморная, фойе, раздевалка... И в то же время скамейки какие-то, стулья... Жутковато. Я люблю театры большие — с колоннами, ложами, бархатом. У хорошего театра должно быть хорошее здание.

— И тебе хотелось бы, чтобы твои спектакли шли на сцене Дворца съездов.

— Ни в коем случае.

— Ну вот, начались противоречия. Тогда давай о них и поговорим. Ты всюду заявляешь, что обожаешь хаос. Но разве создавать спектакль или новый образ, нового человека не значит создавать гармонию?

— Представляешь, как бы это звучало: «Сейчас возьму да и создам гармонию!» Полная бессмыслица. А в хаосе существует большой порядок. Люди безобразничают в определенном порядке. Вот происходит какое-то действие, вроде бы надо его продолжить, довести до логического конца, а мне хочется обрывать, начать другую историю. Если люди долго говорили про любовь, через секунду должны драться. Жизнь вообще хаотична. Вот мы с тобой сидим сейчас в этом номере (в суздальской гос-

рит: «Я видел по телевизору, что он падает с пальмы и разбивается о землю». Минут 15 этот несчастный кокос бросали на пол. Ничего. Потом как-то топором разрубили. Здесь то же самое. Что это такое — знаешь, а что с этим делать — неизвестно. Ну назвали и назвали. Просто слова такие.

— В другой кинематографической ситуации ты мог бы уже стать не только секс-символом, но и символом целого поколения. Тебя лично не угнетает, что актеры сегодня непопулярны?

— 30 лет назад символом поколения был Гагарин, а теперь мы космонавтов не знаем в лицо. Кино снимают обиденно, в космос летают обиденно. В этом есть закономерность. Быть героем в кино вообще очень сложно. С одной стороны — заманчиво, с другой — занятие неблагоприятное. Актерам всегда интересно играть нечто определенное. Допустим, подлец. Насильник. Маньяк. Чикатило. Понимаешь, за что схватиться. Вот существует Николсон — он же никакой не герой.

— Сейчас в кино тоже сила преобладает над чувствами. Только сила не в идее, а в мировоззрении, приоритетах, решении проблем.

— Состояние агрессии — это нормально. Те спектакли, которые я делаю, тоже достаточно агрессивны. Зрители изменились. Им все неинтересно. Поэтому должен быть удар — что-то шокирующее, необычное, раздражающее. Другое дело, что агрессия может быть разной. Вот представь: зажигается яркий свет, выходит человек и минуты три смеется до упаду. Это ведь тоже своего рода агрессия.

— А в жизни ты сильный?

— Не могу сказать, что слабый. Мало возникало ситуаций, когда у меня опускались руки.

— Например.

— Когда потерял родителей. Закончи-